

Морвейн Ветер
ТОМ 2

Петти богини

Дану

18+

Дети богини Дану

Морвейн Ветер

Дети богини Дану. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ветер М.

Дети богини Дану. Том 2 / М. Ветер — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Дети богини Дану)

ISBN 978-5-532-03846-2

Дею в школу друидов привёл случай - отец завёл новую наложницу, и прежняя дочь стала не нужна. Семья Девона стала жертвой друидских серпов. В одну ночь из наследника туата он превратился в отверженного сироту. Их встреча станет роковой точкой в судьбе обоих. Но сердце Девона подобно камню. С тех пор, как погибли его близкие, все мысли юноши занимает месть. Пройдут годы, прежде чем он снова научится любить. Немало боли и жестокости придётся вытерпеть обоим, прежде чем они отыщут своё счастье.

ISBN 978-5-532-03846-2

© Ветер М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Поднявшись по дороге к бронзовым воротам, Риган отошёл в сторону и остановился, наблюдая, как снуёт туда и обратно поток незнакомого устройства колесниц – были они длиннее и шире, чем те, которыми пользовались в туатах, колес у них было много; а вместо величественных друидов и воинов, удерживавших поводья, сидели на местах колесничих неухоженного вида люди с бородами и в холщовых одеждах.

Сами колесницы казались грубыми – не было здесь ни золотых перил, ни бронзовых ободов, только деревянные колёса, которые вряд ли выдержали бы на дорогах Эриу несколько лет.

Риган нахмурился, наблюдая, как на одну из колесниц грузят мешки с семенами – подобное обращение вызывало желание призвать на кощунствующих гнев духов, но Риган сдержался и просто отвёл взгляд.

Теперь он смотрел на мужчину, сидевшего верхом на коне. На воине, как и на гребцах, которых Риган уже видел на корабле, не было ничего, кроме шкуры, подпоясывавшей бёдра. Руки его были непривычно смуглыми, а чёрные волосы были растрёпаны и разметались по плечам – ни заколка, ни коса не удерживали их, и этого Риган тоже не мог понять. Но куда больше удивила его сама мысль о том, чтобы опуститься чреслами на горячий подвижный лошадиный круп.

Риган фыркнул и отвернулся и от этого дикаря, не желая больше разбираться, что же он видит перед собой.

Пробираясь между людьми, без всякого порядка бредущими в обе стороны, Риган двинулся ко входу в город.

Минуя ворота, он невольно затормозил, чтобы пощупать пальцами незнакомый камень с красноватым оттенком, а заметив на земле небольшой осколок, быстро присел и сунул его в висевший на поясе мешок.

Внутри всё тоже было не так, как стоило бы ожидать.

Эмайн Маха состояла из нескольких десятков угнездившихся на деревьях домов, каждый из которых представлял собой уменьшенную копию терема любого из туат. У горцев, которых Риган видел в других мирах до сих пор, и вовсе не было жилищ – только стоянки, где те собирались вокруг костров.

Здесь дома стояли на земле. Были они квадратными, будто выровненными со всех сторон, и выстроены из таких же прямоугольных бурых камней, как и городская стена. Сами дома были невысокими, а крыши их покрывала солома – и снова Риган лишь фыркнул, удивившись примитивности этого жилья.

Перед домами располагались небольшие дворики-закутки, где сидели люди, столь же непривычно одетые, как и те, кого Риган видел по другую сторону стен. Были тут и мужчины, и женщины. Теперь их внешний вид удивлял Ригана ещё больше, потому что в руках у многих из женщин он видел дорогие ткани, которые те расшивали лентами, золотыми нитками или попросту ткали. Мужчины, сидевшие в таких же двориках на грубых скамьях, тоже занимались ремеслом. Особенно Ригана заинтересовала мастерская кузнеца, стоявшая немного особняком: мужчина, абсолютно обнажённый, стучал молотом по листу серого металла, который выглядел слишком тусклым для серебра и был слишком светлым, чтобы принять его за потемневшую бронзу.

Риган надолго остановил взгляд на женщине, державшей между ног загадочный круг, который вращался как колесо колесницы. Поверх круга лежал кусок глины, который женщина мяла в руках. Кусок глины был ещё сырым, но Риган тут же заметил ещё несколько таких же – сушившихся на солнце. Все они были украшены витиеватыми орнаментами, и Риган с трудом

удержался от того, чтобы взять один из них и рассмотреть поближе. Ничего подобного в туалетах он до сих пор не видал.

– В первый раз пришёл в Латиск? – услышал Риган голос совсем рядом и вздрогнул от неожиданности.

Риган повернулся и обнаружил, что он принадлежит черноволосой женщине, уже не молодой и не слишком красивой. Женщина держала в руках ступку и медленными равномерными движениями растирала в ней аппетитно пахнущий зеленоватый порошок.

– Да, – признался Риган, решив, что очевидное скрывать смысла нет. И прежде чем женщина задала новый неудобный вопрос, сам произнёс: – Я видел корабль в гавани. По борту его украшал орнамент – головы диких зверей сплетались в один ряд. Не знаешь ли ты, куда он шёл?

Женщина присвистнула и, устроившись поудобнее на скамье, стряхнула с юбки упавшие на неё крохи порошка.

– Это корабль скифов, – сказала она. – Везли дары в усадьбу царя.

– Царя?

Женщина посмотрела на него и, чуть приподняв бровь, хмыкнула.

– Ты пришёл издалека?

– Очень издалека.

– Царь Кайден только что вступил на престол. Он объявил Медведя своим покровителем и приказал приготовить самый богатый праздник в честь Тараниса, какой только видела эта земля. Со всех земель везут ему дары все прошедшие дни – и все следующие будут везти. Амфоры, ткани, торквесы и мечи. Вчера привезли доспех, составленный из множества колец. Кольца выкованы из металла чёрного, как ночь.

Риган улыбнулся, чувствуя, что в лице местной сплетницы отыскал золотой рудник.

– Откуда ты знаешь это всё? – спросил он.

Женщина хмыкнула.

– Откуда знаю, там уже не слышать. А ты, что ли, хочешь посмотреть?

– Пожалуй, я бы хотел.

Женщина подмигнула ему, наклонившись, сама поманила пальцем.

– Говорят, – загадочно произнесла она, – скоро и нас, простых смертных, пригласят преклонить колена перед царём. Август уже объявил, что годы царствования Кайдена будут счастливыми, хотя главный ритуал ещё не проведён. Я видела, как сегодня везли по дороге клетку с птицами – значит, скоро боги будут с нами говорить. Сегодня или завтра вечером приходи ко дворцу – сам увидишь всё.

– Ко дворцу? – уточнил Риган.

Женщина махнула рукой вдоль улицы.

– На северной оконечности города, там, где кварталы вельмож.

– Спасибо. А есть ли здесь где-то заезжий дом?

Женщина снова махнула рукой и отвернулась, очевидно теряя к незнакомцу интерес, и Риган, не прощаясь, двинулся прочь.

Заезжий дом тоже был ни на что не похож. Риган замер на пороге, разглядывая тёмное помещение, углублённое в пол, с маленькими окошками и стенами, потемневшими от копоти.

– Проходишь или тебе помочь? – услышал он из-за спины и скрипнул зубами, но промолчал – о том, что все проблемы начинаются драками в заезжих домах, Риган знал достаточно хорошо.

Он прошёл вперёд и, отыскав глазами того, кого мог бы назвать хозяином, попытался завязать с ним разговор.

Хозяин был словоохотлив и достаточно рассказал Ригану и о Кайдене, с чьего рождения уже двадцать два раза засевали поля, и о неведомом августуре, который мог что-то предсказать.

Кайден, как выразился хозяин, «только что одолел льва». Риган не стал спрашивать пояснений, потому что жест, которым хозяин прочертил линию на своём горле, выглядел достаточно красноречиво. Куда больше его заинтересовал авгур, который предсказывал будущее по внутренностям птиц.

– И хорошо ли предсказывает ваш авгур? – поинтересовался Риган, взглядываясь в лицо хозяина и понимая, что вряд ли тот ответит напрямик.

– Если не угадает, его отправят в котёл, – хозяин усмехнулся, продемонстрировав два ряда желтоватых, обломанных зубов, а Риган поёжился, представив себе такую перспективу. – Вообще–то авгур был приближённым прошлого царя, – продолжил тем временем хозяин заезжего дома, – так что Кайден не очень-то ему верит. Если он не справится с церемонией, которая пройдёт завтра, его точно отправят в котёл.

Губы Ригана расплылись в улыбке, хотя взгляд и остался таким же пристальным, как всегда.

– Очень хорошо, – сказал Риган и отвернулся, намереваясь покинуть дом.

– Эй! – окликнул его хозяин. – Ты разве комнату не будешь брать?

Риган ничего не ответил. Молча пересёк порог и, снова оказавшись на шумной улице, двинулся в сторону дворца.

Определить, где кончается ремесленный район и начинается «квартал вельмож», было легко – будто невидимая черта отделяла одну часть города от другой. Стоило Ригану миновать эту черту, как шум кузниц и гончарных мастерских стих, и вокруг воцарилась тишина. Домов здесь было не видно за высокими стенами, сложенными из известняка, и только сквозь ажурные ворота, отлитые из бронзы, можно было разглядеть раскинувшиеся за стенами сады, где росли оливы и финики, смоковница и жасмин, и другие неведомые Ригану деревья. В воздухе стоял густой запах эвкалипта, и кое-где сквозь ворота Риган заметил девушек, бродивших по садам и собиравших фрукты в маленькие деревянные бадьи.

Улица закончилась воротами, которые были отлиты из самого яркого металла – золото это или просто начищенная бронза, Риган мог только гадать.

Ворота, к удивлению Ригана, оказались открыты, однако по другую сторону их стояло два воина в пятнистых шкурах с копьями в руках.

Когда Риган подошёл достаточно близко, один из воинов окликнул его, и Риган тут же обжёг его взглядом, от которого в жилах у любого леденела кровь.

– Кто ты и куда идёшь? – спросил воин, хотя голос его и дрогнул, когда глаза натолкнулись на этот взгляд.

Риган запустил руку в один из мешочков, извлёк оттуда щепоть порошка и быстро выкинул руку вперёд, растирая порошок в пальцах. Раздался оглушительный хлопок, вверх взметнулось пламя, и воины попятились, явно поддавшись священному ужасу.

– Богиня Дану послала меня! – твёрдо произнёс Риган, переводя холодный взгляд с одного на другого. – Воля богини – ознаменовать благодную судьбу царю Кайдену, Медведю великих гор. Я буду говорить с ним и назову три знаменья, которые принесут победу в войне, удачу в охоте и благо на брачном ложе.

– Какие знаменья? – с подозрением спросил второй воин.

– Это я скажу только царю! – Риган гордо вскинул подбородок.

Стражи переглянулись и, поразмыслив, один из них кивнул.

– Я провожу, – сказал он. – Но царь не примет тебя сейчас. Тебе, как и остальным, несущим дары, придётся подождать. Каков будет твой дар, великий маг?

Риган задумчиво коснулся одного из висящих на поясе мешков. Вряд ли кого-то здесь могли удивить золото и соль.

– Знание станет моим даром, – ответил он. – Покажи мне покои, которые не оскорбят лика Дану.

Страж указал копьем на одну из аллей, убегавшую в сторону дворца, и первым двинулся вперед. Риган последовал за ним, но едва они прошли несколько шагов, как Риган замер, будто громом поражённый, когда увидел в просвете между смоковниц уже виденное один раз лицо.

Всё такая же грустная, незнакомка возлежала на золотом ложе в окружении девушек с опахалами и подносов с оливами.

– Кто это? – спросил Риган, заметив, что воин остановился и теперь смотрит на него.

– Это? – воин бросил короткий взгляд на девушку. – Подарок скифов царю. Дочь одного из их вождей.

Глава 2

Риган с любопытством разглядывал драпировки из полупрозрачных тканей на окнах и стенах. Кое-что из того, что придумали местные дикари, он бы с удовольствием увёз с собой в Туаты. И всё же большая часть окружавших его предметов вызывала дискомфорт.

Каждая складочка ткани вызывала в памяти складки покрывал и контуры белого лица. Риган не мог бы сказать, что особенного в этом лице. Кейли была красива – но красив был любой сид. И всё же только это лицо заставило задрожать всё естество друида, давно уже переставшего верить в любовь.

Мысли о незнакомке были настолько навязчивы, что Риган никак не мог сосредоточиться на приготовлениях к предстоящему пророчеству, и когда на пороге появился очередной бородатый воин – оказался к этому абсолютно не готов.

– Царь вызывает тебя.

Ригану оставалось лишь кивнуть, потому что за свою не очень-то короткую жизнь лучше всего он понял одно: не надо спорить по мелочам с тем, кто называет себя «богом» или «царём».

Оправив одежды, он двинулся следом за воином по коридорам дворца. Теперь уже он разглядывал окружающую обстановку не ради праздного интереса – оливы, вышитые на драпировках, и колосья, выгравированные на металлических табличках, украшавших стены, немного удивляли его, но и говорили о том, что местные жители сильно отличаются от сидов: обыкновенной любви к охоте и олицетворявшим мужскую силу хищным зверям они предпочитали растения. Риган задумался, пытаюсь получше понять тех, с кем ему предстоит иметь дело. Возможно, дело было в садах? В рощах туатов росло только то, что сами деревья дарили детям Дану. Эти же сады выглядели иначе – деревья здесь росли стройными стенами, как будто были высажены в одну линию неведомой силой.

При этой мысли перед глазами Ригана промелькнули мешки с семенами, которые грузил один из бородатых мужчин, и он улыбнулся, озарённый внезапным пониманием, а затем покачал головой, удивившись тому, насколько бессмысленно тратят свои силы дикари: выращивают то, что природа, при должном почтении, могла бы дать им сама.

Коридор закончился высокими дверьми, миновав которые Риган вступил в прохладу тронного зала.

Стены, трон, скамьи на металлических ножках по углам – всё здесь казалось массивней и мрачней, чем в покоях Дану, но суть была та же, и Риган решительно направился вперёд.

Царь Кайден восседал на высоком троне, украшенном шкурой невиданного зверя – рядом с головой царя лежала оскаленная звериная голова с округлыми ушами и коричневым мехом.

Риган остановился в нескольких шагах от трона и изобразил лёгкий поклон.

– Приветствую тебя, благословенный богами великий царь.

Царь хмыкнул и, махнув рукой, приказал продолжать.

– Из далёкой страны богини Дану пришёл я к тебе, чтобы моя богиня смогла благословить твоё царствие. Три знаменья открою я тебе. Если сделаешь, как я скажу – сады твоей страны будут вечно полны фиников и олив, все народы покорятся тебе, а женщины будут прогибаться под твоим весом от наслаждения и плодоносить от твоих семян до конца дней.

Кайден хмыкнул и поудобнее устроился на троне. О богине Дану он никогда не слышал, но кое-что из обещаний незнакомца волхва вызвало у него интерес.

– Ты умеешь предсказывать будущее? – с любопытством спросил он.

– Богиня наделила меня таким даром, – Риган снова отвесил неглубокий поклон.

– Те предсказания, что ты сделал, противоречат тем, что сделал мой авгур.

– Лишь потому, что ты ещё не исполнил того, о чём я скажу.

– Мой авгур сказал, что женщина никогда не возляжет со мной. Ты думаешь, он не прав? Риган запнулся. Местный авгур явно был полный дурак – каждый друид знает, что нельзя говорить подобные вещи царю.

– Твой авгур видит лишь одну сторону сущности вещей, но я расскажу тебе, как изменить судьбу.

Кайден снова хмыкнул.

– Моя богиня, – продолжил Риган, памятуя о первой заповеди торговца – никогда не переставать говорить, – правит жизнью и смертью. Рождение и плодоношение – вот то, в чём её власть. Никто не знает о сущности вещей лучше неё.

Постепенно в глазах Кайдена начинало разгораться любопытство.

– И какие же жертвы я должен ей принести?

– Позволь сначала спросить, не был ли ты ранен когда-нибудь в бою?

– Я был ранен... – Кайден помрачнел, – но не в бою.

Риган помолчал, подбирая слова.

– Я принёс тебе чудесную траву. Сады твои будут плодоносить, если каждый день ты будешь омыwać свои шрамы настоем из неё. Звёзды предсказывают тебе благополучие, и победы твои будут тем величественней, чем богаче будет жертва, которую ты принесёшь своим богам: тебе следует оставить сундуки с тканями, шкатулки с камнями, – Риган присмотрелся к короне Кайдена, отделанной янтарём, – такими, как украшают твоё чело. И... – он задумался. – Чаши.

– Чаши? – переспросил Кайден.

– Да, такие, – Риган повёл в воздухе рукой, изображая один из горшков, который видел в ремесленном квартале, – в общем, самых лучших горшков. Затем твои люди должны будут уйти – и через две луны пусть приходят опять. Боги дадут тебе ответный дар: это может быть золото или соль.

Слушая пророчества, Кайден неторопливо кивал – ничего необычного в том, что говорил волхв, он не видел. Боги всегда любили золото и серебро, в этом чужестранец был похож на авгура, который служил отцу. Но вот что впервые авгуры просили у него, так это горшки.

– Третье – и самое важное, если ты хочешь наказать злую судьбу, – продолжил Риган тем временем, – ты должен отдать богине один из даров, которые принесли тебе в эти дни. Одну из невольниц. Богиня говорит, что она была привезена по морю с востока на прекрасном корабле, украшенном мордами зверей.

– Ложь! – скрипучий голос разрезал тишину, и Риган повернулся на звук. Только теперь он увидел в полумраке худощавую фигуру, облачённую в звериные шкуры. Старец опирался на посох, и лицо его трудно было разглядеть за всклокоченной бородой. – Ложь! – повторил авгур и, выйдя на свет, потряс в воздухе клюкой. – Если ты провидец – то где посох, дарованный тебе матерью-землёй?

Риган перевёл взгляд с провидца на клюку.

– Я принёс обет, – веско произнёс он, – что не срублю дерева в угоду себе. Такова моя жертва богине.

– Если ты провидец, где твоя борода? Ты молод, как юнец!

– Богиня даровала мне вечную молодость и вечную жизнь! – Риган начинал закипать. У него и вправду никогда не росла борода.

– Если ты провидец, – авгур ткнул в Ригана посохом, – пусть царь прикажет принести голубей. Предскажи, что ожидает нас на пиру, а потом будем говорить о жертвах.

– С тобой мне не о чем говорить, – Риган отвернулся от авгура и посмотрел на царя, не в силах сдержать злость, – твой авгур одержим духом прежнего царя, Великий Медведь! Я изреку четвёртое знаменьё, которое увидел только сейчас: ты должен отправить его в священный котёл – или болезни и голод обрушатся на твой город!

Кайден пошевелился, устраиваясь на троне поудобней. Хотя лицо его оставалось спокойным, Ригану показалось, что тот наслаждается всем происходящим.

– Разве мой авгур не мудр?

– Был когда-то, но от старости сошёл с ума!

– Но ведь он прав, посоха у тебя нет. Ты пришёл издалека. Но просишь от меня немалых жертв.

Риган невольно скрипнул зубами.

– Ты можешь их не приносить, – холодно сказал он, – но тогда судьба одолеет тебя. Ты не будешь иметь наследника и...

– Достаточно! – голос Кайдена заполнил зал и зазвенел эхом из-под сводчатого потолка. – Один из вас явно не служит богам. И я знаю, как выяснить, кто из вас прав.

Риган подобрался, чувствуя, что желаемое получить будет не так легко – впрочем, другого он и не ожидал. Авгур стиснул клюку и со злостью посмотрел на друида из-под лохматых бровей.

– Во-первых, вы оба предскажите мне, что ожидает меня на пиру. Если же оба предсказания окажутся верны, мы снова поговорим завтра, – Кайден ткнул пальцем в сторону входа. – Стража, принести голубей.

Риган зло посмотрел на авгура, который, казалось, был весьма доволен таким положением вещей.

– Я не предсказываю по голубям, – брезгливо произнёс Риган, больше назло авгуру, чем потому, что в самом деле хотел добиться своего. – Пусть мне принесут семена смоковницы и высушенные косточки финика, иначе моя богиня не будет говорить!

– Хорошо! – Кайден согласился на удивление легко. – Принесите то, что просит провидец.

Стражник исчез в коридоре, и какое-то время в зале царил тишина. Только Риган с авгуром обменивались ненавидящими взглядами.

Затем дверь снова распахнулась, и двое воинов внесли два подноса – на одном из которых лежал голубь со связанными крыльями, на другом – россыпь семян.

Оба подноса поставили на пол по обе стороны трона, и авгур тут же опустился на колени перед своим. Из складок его одежды появился нож. Быстрым движением предсказатель вспорол маленькое тельце птицы от горлышка до лапок и, вывернув наизнанку внутренности, принялся размазывать их по подносу.

– Пир будет величественным! – провозгласил авгур. – Сотни людей стекутся, чтобы преклонить колена перед тобой, мой царь.

– Это всё? – спросил Кайден, мрачно глядя на него.

– Всё, – подтвердил авгур.

Оба взгляда обратились на Ригана.

Тот, поморщившись, подобрал полы одеяния и осторожно уселся на пол перед подносом. Стрём в ладонь семечки и косточки и, сложив ладони лодочкой, несильно потряс, перемешивая. Лицо его при этом было обращено к потолку, а зрачки полностью закатились под веки, губы слабо шевелились, начитывая заклятье.

– Дану! Явись! – провозгласил он и швырнул косточки на поднос. – Кровь и борьба ждёт тебя на пиру, – провозгласил Риган. – Множество людей придёт, но доля героя не будет разделена, и два твоих брата подерутся между собой за право стоять у тебя за спиной! Берегись того, кто победит – в рукаве его будет спрятан нож!

Кайден задумчиво посмотрел на Ригана.

– Тюрин и Мабон... – он хотел продолжить, но замолк, – и кто же из них хочет меня убить?

– Это сокрыто от меня, – произнёс Риган, – тебе следует радоваться тому, что богиня вообще согласилась с тобой говорить, царь, – последнее слово звучало как плевок.

Риган встал и демонстративно отряхнул колени.

– А теперь, – сказал он, – тебе следует проявить внимание к желаниям богини. Пир будет только вечером, но она требует, чтобы я прямо сейчас осмотрел твой сераль в поисках нужного плода.

Кайден запустил пальцы в бороду и почесал подбородок.

– Что ж, хорошо. Стражники сопровождают тебя.

Девушка, которую Риган уже стал называть про себя Кейли, сидела на подушках в саду – как с утра. Ригану даже показалось, что она вовсе не вставала.

Друид замер у края небольшой беседки из древесных ветвей, раздумывая, как начать разговор.

Впервые в жизни он не знал, что сказать.

Девушка оставалась неподвижна и не смотрела на него – можно было бы решить, что она полностью погружена в созерцания птичек, резвившихся в ветвях, если бы взгляд её не был таким пустым.

– Звёзды пророчат тебе благую судьбу, дочь вождя, – произнёс Риган наконец.

Девушка вздрогнула и повернула к нему лицо, но лишь на секунду. В следующий миг оно уже снова отражало скуку, и Кейли отвернулась от незваного гостя.

– О да, она будет бесподобно блага, – произнесла она. – Тебя, видимо, подослал ко мне царь?

Риган улыбнулся краешком губ. Голос у девушки был переливистый и будил в теле сладкую дрожь. А может быть, дело было в тоне, которым она это сказала – никто и никогда не говорил с Риганом так до сих пор.

– Я не подчиняюсь царям, – Риган сделал шаг вперёд и прислонился спиной к стволу дерева, продолжая наблюдать за своей жертвой.

– Значит, вечером тебя сварят в большом котле? – девушка бросила на Ригана взгляд, в котором наконец появилось подобие веселья. – Я бы хотела на это посмотреть.

– Любишь смотреть, как казнят людей?

– Только когда казнят моих врагов, – в глазах Кейли блеснул холодок.

– Я пока не стал тебе врагом. Хотя это легко поменять.

– Ты свободен во дворце, который стал мне тюрьмой – кто же ты, если не враг? Можешь не отвечать.

– Возможно, я пришёл тебя освободить?

Кейли стремительно поднялась со своего ложа, и Риган невольно замер, любясь неожиданной плавностью, текучестью её движений – только покрывала стлались у красавицы за спиной, а сама она взметнулась вверх змеёй и такой же невесомой походкой, будто ноги её и не касались травы, скользнула к Ригану. Остановилась напротив. Руки девушки были скрещены на груди и спрятаны в рукава, а в огромных зелёных глазах горели насмешливые злые искорки.

– Вот как. Освободить от одного хозяина и сделать собственной рабой?

Риган улыбнулся – холодно и зло. Поведение девчонки начинало его заводить.

– Мне такой план по душе, – сказал друид.

– Прежде докажи, что сможешь надо мной властвовать.

Риган поднял бровь.

– Я ничего не доказываю ни царям, ни вздорным девчонкам, – он развернулся и, хотя лицо девушки всё ещё стояло перед его глазами, двинулся прочь. Риган чувствовал злость, но злость эта была какой-то незнакомой. Не той, что заставляет разрушать. Скорее, это была злость игрока, который проигрывает в кости первый кон, но уже готов продолжать.

Глава 3

Риган не испытывал особого волнения, когда в сопровождении двух воинов шёл извилистыми коридорами дворца туда, где располагался пиршественный зал. Пиров, на которых бы кто-то не заводил разговора о доле героя и не пытался разделить её мечом, он ещё не встречал.

Волнение пришло к нему позже – когда Риган, привычно занявший место за спиной царя, наблюдал, как один за другим подходили к выгнутому подковой столу подносчики даров. У выхода из зала скопилась уже маленькая толпа, и пока что всё шло хорошо: авгур высокомерно поглядывал на незваного гостя, давая ему понять, что именно его предсказание было верно, когда среди людей, столпившихся у двери, показалась тоненькая фигурка, укрытая множеством покрывал.

Лица невольницы невозможно было разглядеть, но Риган ничуть не сомневался в том, кто перед ним: из-под покрывала, скрывавшего голову, едва заметно выглядывали контуры рыжих кудрей, а изгиб плеч был тоньше, чем у любой девушки, которую Риган видел во дворце.

Едва увидев стройную, как юное деревце, фигурку, друид напрочь забыл о том, что должен следить за братьями царя, сидевшими по обе руки от него. Сердце его забилось бешено, будто гигантский бубен, и Риган едва сдержался, чтобы не дёрнуться вперёд, не вытащить невольницу из зала и не начать выяснять, какие духи заставили её появиться здесь.

Риган глубоко вдохнул, успокаивая дыхание, и попытался рассудочно посмотреть на то, что с ним происходило. Это походило на отравление травами – такое случалось с ним пару раз. Или на какую-то неизвестную болезнь.

Риган был уверен, что виновата в этой болезни рыжеволосая невольница, и теперь Кейли представляла для него ещё больший интерес: Ригану было просто необходимо понять, что за магия производит такой эффект.

«Возможно, возбуждающие травы?» – спросил он сам себя, пытаясь припомнить, чем пах объект вождения. И тут же воображение нарисовало друиду не только лицо, но и аромат, исходивший от рыжих кудрей. Даже сейчас, просто пытаясь вспомнить его, Риган ощутил, как в паху наливаются свинцом.

«Эффект усиливается с течением времени», – отметил он мысленно и снова заставил себя сосредоточиться на происходившем вокруг.

Тем временем поток драгоценных ларцов постепенно иссяк, и царю Кайдену начали представлять рабынь. Сначала были представлены несколько девиц, которые не вызвали у Ригана интереса, а затем вышел вперёд широкоплечий мужчина, ещё более смуглый, чем другие, находившиеся здесь. Поклонился и взмахнул рукой, предлагая своим спутникам вывести вперёд подарок.

Кейли, мелко семеня ногами, едва видневшимися из-под длинного одеяния, вышла в центр залы.

Скиф, сопровождавший её, картинным движением сорвал покрывало, укрывавшее голову девушки.

Разговоры замолкли, и наступила внимательная тишина.

Чувствуя, что подарок оказался оценён по достоинству, скиф взял двумя пальцами подбородок невольницы и повернул её голову сначала вправо, потом влево, демонстрируя лицо.

– Чистейшая кожа, – прокомментировал он. – Редкий оттенок – как молочный опал. Я рад вручить тебе, о Царь-Медведь, дочь вождя Тхалу из северных племён. Нрав её горяч, как огонь, но тело сладкое, как мёд. Голова её отца украшает покои моего вождя, но от этого менее знатным подарок не стал.

Кайден хмыкнул и, нащупав одной рукой чашу, не отрывая взгляда от подарка, сделал глоток.

А в следующую секунду скиф дёрнул за кончик следующего покрывала, обнажая бело-снежные руки, украшенные золотыми браслетами. Ещё один обруч, инкрустированный самоцветами, обвивал талию невольницы. Несколько золотых цепочек украшали горло, а в волосах виднелись тонкие, как иглы, заколки. Полупрозрачные ткани обтекали бёдра и стан, оставляя на виду лишь стройные щиколотки и ступни в золотых сандалиях.

Скиф не соврал. Кожа пленницы была белой, как слоновая кость, а тело казалось таким хрупким, что самая благородная царская дочь могла лишь позавидовать этому изяществу.

Несколько секунд царила тишина. Риган отлично понимал, что стало её причиной: если уж и его одолела эта болезнь, то стоило ли сомневаться, что и остальные оказались подвержены ей.

Медленной волной подступала к его горлу злость: никто не должен был видеть этих плеч, кроме него. Ярость почти уже достигла пика, когда тишину комнаты прорезал голос, дышавший такой же злостью:

– Я всю свою жизнь сражался за тебя, мой царь. Мои люди пролили крови больше, чем кто-либо другой. Отдай мне этот драгоценный дар. Я ищу девушку, которая станет подавать мне воду по утрам.

– Не много ли ты хочешь, Тюрин? – другой голос перебил его. – Я потерял руку, сражаясь за царя. Если кому-то ты и должен уступить этот самоцвет, то его достоин именно я. У тебя и без того много даров.

– Ты сошёл с ума, Мабон? – первый из говоривших вскочил и потянулся к мечу.

– Молчать! – Кайден грохнул кулаком по столу. – Вы – мои братья, и я вас люблю. Но тот, кто победит сегодня, получит не девчонку, а топор между ног, и голова его украсит уже мой чертог!

Наступила тишина. Двое братьев сверлили друг друга взглядами, а Кайден тем временем продолжил:

– Мы благодарны тебе за подарок, восточный брат.

– Это ещё не всё, – скиф широко улыбнулся, демонстрируя белоснежные зубы, разительно контрастировавшие с его бурой кожей, – рабыня обучена искусству магического танца и хочет его показать.

Риган перевёл взгляд со скифа на Кейли, которая стояла, белая как мел, и бессильно сжимала и разжимала кулаки.

– Прикажи музыкантам ударить в бубны, о Великий Медведь.

Кейли глубоко вдохнула и в наступившей тишине несколько раз ударила босой ногой о пол, а затем сопроводила своё движение тремя хлопками в ладоши, задавая ритм.

Бубны подхватили музыку, и дудки запели им в такт, порождая нестерпимую – на слух Ригана – какофонию, которая, тем не менее, причудливым образом переплеталась с танцем девушки: Кейли изогнулась, как ива, согнутая бурей – сначала в одну сторону, затем в другую. Подпрыгнула и почти что рухнула на колени, чтобы мгновенно взметнуться вверх. Риган, как ни старался, не мог отвести взгляда от стройной фигурки метавшейся по залу как всполох пламени. Он стиснул кулак, пытаясь сопротивляться чарующему колдовству танца. Каждое новое движение девушки точно задевало какую-то струну внутри него, заставляя всё глубже погружаться в транс, пока наконец Кейли не бросилась в последнем рывке к месту, где сидел царь.

– Будь проклят ты и вся твоя земля! Небесная кобыла затопчет тебя! – Риган едва успел заметить, как серебристое лезвие метнулось вперёд, направленное в горло царя, и лишь чудом успел его перехватить.

Кейли подняла на испуганный взгляд на друида, и Риган ответил ей осуждающим взглядом. Секунду царила тишина, а потом зал огласили десятки криков. Выхватив топоры, Тюрин

и Мабон рванулись вперёд. Последний опрокинул стол, за которым сидели все трое вместе с царём, и лезвия двух топоров скрестились у самого горла до смерти перепуганной девчонки. Риган, чувствуя, что пророчество стремительно сбывается, метнулся вперёд, схватил Кейли за плечо и поволок прочь.

Коридоры для него были хуже лабиринта пещерных городов – он толком не понимал куда идёт, просто бежал по прямой и тащил пленницу за собой.

– Пусти! – Риган услышал требование только тогда, когда Кейли повторила его в третий раз, и рванул руку так, что едва не вывернул себе запястье.

Риган завернул за угол в последний раз и, обнаружив, что впереди тупик, замедлил ход. Он тяжело дышал – Великий Друид бегать и прыгать через столы не привык. И всё же руки Кейли Риган отпустить не спешил.

– Что ты натворила?! – прошипел Риган, оборачиваясь к своей добыче и толкая девушку к стене, так, чтобы той некуда было бежать.

– Я – дочь вождя!

– О, да! Теперь это поняли все!

Кейли фыркнула и, вырвав руку, спрятала лицо в изгибе локтя.

Сердце Ригана медленно замедляло бег.

– Я – дочь вождя! – упрямо повторила Кейли. – Я не буду танцевать перед дикарями, только богиня достойна увидеть мой танец! Каждый, кто видел меня, должен умереть!

– Что? – Риган начинал понимать, но дочь вождя, кажется, не собиралась продолжать. – Какой богине был посвящён твой танец?

Некоторое время Кейли молчала, а потом рвано выдохнула, силясь прогнать подступивший к горлу ком, и медленно тихо произнесла.

– Богиня одна, сколько бы лиц ни было у неё. Небесная кобыла выбрала меня. Я должна была ступить на костёр, станцевав для неё, – Кейли испустила последний рванный вдох. – Зачем ты помешал мне его убить? Я всё равно не буду рабыней ни для тебя, ни для него!

Лицо Ригана озарила кривая усмешка.

– Ты будешь, – сказал он, заметно придя в себя. «Магический танец», – это объяснение заметно его успокоило. Невольница всего лишь была обучена вводить зрителей в транс, вот и всё, – ты будешь принадлежать мне, Кейли.

– Это имя не моё! – Кейли зло посмотрела на него, но Ригану было всё равно. Его душа пела, хотя он сам затруднялся сформулировать, почему новое открытие так его обрадовало.

– Ты будешь служить богине, Кейли. Она заберёт тебя в свой чертог.

Какое-то время Кейли задумчиво смотрела на собеседника, закусив губу. В её зелёных глазах любопытство мешалось со страхом.

– А что, если я не хочу на костёр?

Риган рассмеялся своим обычным смехом, похожим на звон разбитого льда.

– Я не отправлю тебя на костёр. У меня к богине другой подход.

Кейли задумчиво склонила голову вбок.

– Ты тоже меня видел, – сказала она и коснулась второй заколки, всё ещё торчавшей из волос.

Риган быстрым движением выдернул её, заставив гриву рыжих кудрей рассыпаться по плечам девушки. На секунду сердце друида замерло, когда он увидел тонущее в этом огненном потоке лицо, но обдумать собственные впечатления Риган уже не успел, потому что вдали раздался лязг мечей и топот ног.

Молниеносным движением Риган отцепил фибулу и накрыл плечи Кейли собственным плащом, а затем заколол фибулу уже на ней.

– Никто не должен тебя видеть, кроме меня, – успел шепнуть друид, когда в тени коридора появились стражники, ведомые самим царём, и уже громче произнёс: – Я сохранил её для тебя, Великий Медведь.

Кайден замедлил движение и знаком показал стражам остановиться за спиной.

– Ты слишком благодетелен даже для авгура, – заметил он.

– Для меня имеет значение только воля моей богини. Я не сделаю ничего, что противоречило бы ей.

Кайден хмыкнул и остановил взгляд на девушке.

– А этот дикарь был прав. Характер у тебя жаркий, как огонь.

Под тканью плаща Кейли стиснула кулаки. Хотела было броситься вперёд и вцепиться в царя ногтями или зубами, но тут же передумала и отступила на полшага назад, Ригану за плечо.

– Я бы казнил тебя, – продолжил царь, – но ты – или мазь, которую ты мне дал, – Кайден перевёл взгляд на Ригана, – сотворили чудо. И кажется, судьба, накликаемая этим проклятым отцовским жрецом, побеждена.

– Это значит, моя богиня получит свои жертвы? – холодно спросил Риган.

Кайден хмыкнул.

– Трудный вопрос. Видишь ли... Твоё предсказание сбылось. И мазь, которую ты мне дал, возможно, помогла. Но и мой авгур был прав. Он предсказал и сытный пир, и болезнь, которая меня одолевала.

По скулам Ригана пробежали желваки, но он заставил себя промолчать.

– Я хотел испытать тебя на владение травническим ремеслом, но если это испытание ты прошёл – перейдём к последнему, что меня интересует. Четыре племени грозят мне войной. Воины в рогатых шлемах, что обитают на севере. Воины в пятнистых шкурах, что приплывают с юга. Воины в красных рубахах с востока и воины в клетчатых мешках, что обитают далеко на западе. Я хочу знать, какое племя нападёт первым в этот год.

– Но ты сможешь проверить ответ только весной. Я не могу столько ждать.

Кайден пожал плечами.

– Так или никак.

– Хорошо, – Риган вздохнул, прикидывая в голове, где бы разузнать побольше о вождях четырёх племён, – но и предсказание это потребует времени. Чем больше времени ты мне дашь, тем более точным оно будет.

– У тебя есть время до весны, – легко согласился царь. – Стража! Проводить предсказателя в его покой!

Риган шагнул вперёд, подготовившись проследовать к себе, но, подумав, обернулся и окликнул Кайдена, жадным взглядом поглощавшего фигуру Кейли. Попытался выловить контуры стройного силуэта в складках плаща.

– Царь-Медведь!

Кайден неохотно перевёл взгляд на друида.

– Когда я смотрел на танец, я понял, что на дикарке лежит проклятье. Любой, кто её тронет – умрёт от руки охраняющего её божества.

– Что?! – в голосе Кайдена послышалось разочарование.

Риган легко поклонился.

– Я, конечно, могу попытаться её очистить. Но для этого мне нужно каждый вечер проводить над ней обряд с дикими травами и речной водой.

– Напиши мне список трав, я сам её очищу!

– Так не пойдёт, – Риган отвесил ещё один поклон. – К травам могу прикоснуться только я.

Кайден ощутимо колебался, и Риган добавил:

– Ты же помнишь, царь великих гор, дважды мои предсказания оправдались.

– Ну, хорошо, – Кайдэн, сдаваясь, махнул рукой, – снабдить невольницу охраной. Следить, чтобы она ничем себе не навредила. Но даже пальцем к ней не прикасаться. Все вон. Я устал и хочу отдохнуть.

Глава 4

Риган стоял у окна, задумчиво разглядывая бронзовую чашку с тонкой гравировкой. Обод чаши оплетал орнамент, и человек менее наблюдательный и менее искушённый в людских слабостях мог бы подумать, что неведомый мастер попросту желал украсить чашу такой тонкой работой, какую только умел изобразить – в угоду царю.

Риган и сам поначалу думал так. Орнаменты чужого города были ему незнакомы, и прочесть их оказалось нелегко, но времени у Ригана было предостаточно, и через некоторое время он обнаружил, что на выпуклых боках листья и ветки сплетаются, образуя новый узор. Не сразу Риган понял и его: на одной из сторон чаши юноша, державший меч, бросался в бой. На другой тот же юноша метал копьё. На третьей он стоял на камне к зрителю спиной, и, наконец, на четвёртом боку был изображён котёл.

Риган знал этот котёл. Знал он также меч и копьё – три священных предмета, два из которых были давно потеряны. Только котёл Дагды, как и сотни лет назад, стоял в чертоге Дану и в ночь Лугнасада наполнялся кипящим варевом из плоти убитого быка.

Четвёртого артефакта Риган не знал и изображения прочесть не мог. Ему не нравилось чего-то не знать. С тех пор, как Риган занял место верховного друида, прошло уже два десятка лет, и Риган был уверен, что никто в кругу не знал об истории туатов, обычаях и мире вокруг острова туманов больше него.

Однако же пробел в знаниях был налицо: из древней легенды он помнил три части, но четвёртой не видел никогда. Это несоответствие озадачило его даже больше, чем сам факт того, что он нашёл фрагменты истории сидов здесь, в десятках тысяч шагов от Эриу. Он настолько глубоко задумался о своём неожиданном открытии, что даже не заметил, когда открылась дверь, и на пороге показалась девушка, не покидавшая его мыслей все предыдущие дни.

Невольница какое-то время смотрела на друида, который не только призвал её к себе, но и потребовал приводить каждый вечер. Затем, когда дверь уже захлопнулась за спиной, шагнула вперёд и, остановившись рядом с Риганом, тоже посмотрела на сосуд, который тот сжимал в руках.

– Что ты делаешь?

Риган вздрогнул, услышав голос Кейли совсем рядом, но головы не повернул, решив не давать девчонке ни малейшей возможности властвовать над собой.

– Думаю, – сказал он.

– Ты пытаешься прочесть чашу.

Риган прищурился и всё-таки посмотрел на гостью.

– Интересный предмет, – признал он.

– Это легенда о четырёх временах. Разве у вас такой нет?

Риган промолчал, но это было достаточным ответом, и Кейли продолжила.

– Когда Ювен узнал себя, он понял, что находится в котле, и жидкость вокруг него кипит. Ювен стал махать руками и ногами, загребая бушующую воду, пока не поднялся наверх и не вышел из котла. Так родился человек.

Риган задумчиво смотрел на девушку, но Кейли, заметив этот интерес, улыбнулась и замолкла.

– Хочешь, чтобы я рассказала ещё что-нибудь?

– Нет, – Риган раздосадовано звякнул чашей о стол. – Раздевайся. Я должен тебя омыть.

Кейли насупилась и, сложив руки на груди, отступила на шаг назад. Риган отметил про себя, что заколок в её волосах больше нет, но решил, что девушке ничто не мешает прятать их где-нибудь ещё, потому не спешил делать шаг вперёд.

– Я должен избавить тебя от проклятия, – Риган улыбнулся, но от улыбки его исходил холод.

– Богиня не повелела мне снимать одежды перед кем бы то ни было.

– Но я уже видел тебя.

– Всё равно, – Кейли отступила назад, вздёрнула нос, и на коралловых губах промелькнула тень улыбки. – Ты будешь проклят, если нарушишь волю богов.

Ответ Ригана, конечно, не испугал, но вот широкий балахон, который мог скрывать любое оружие, по-прежнему смущал.

– Богиня говорит моими устами. Разве твой повелитель тебе не сказал?

– Как богиня может говорить через тебя, – в глазах пленницы мелькнула насмешка, граничащая с презрением, – если ты даже не знаешь о рождении и смерти Ювена?

– Хватит, Кейли!

– Меня зовут не так. Моё имя Сенамотис.

Риган глубоко вдохнул и выдохнул, заставляя немного успокоиться нахлынувшую было злость. Девчонка продолжала стоять, пряча кисти рук в рукавах, и Риган невольно прикинул, как далеко может достать острие её шпильки, если та извлечёт её прямо сейчас.

– Если ты мне не подчинишься, я скажу королю, что твоя одержимость усилилась, и изгнать её можно только сотней плетей. Тебя когда-нибудь пороли по спине?

– Хорошо, – легко уступила Кейли и коротко улыбнулась, но в улыбке её сквозило презрение, которое снова вывело Ригана из себя.

В следующую секунду улыбка исчезла, и взгляд Сенамотис снова стал пронзительным и грустным – как тогда, на корабле.

Руки её вспорхнули, скидывая овивавшее фигуру покрывало, и перед Риганом предстало хрупкое тело, белое, как молочный опал. Тонкие плечи были расправлены, хотя Риган почти не сомневался, что эта поза даётся девушке нелегко. Пальцы Ригана сами собой двинулись вперёд и коснулись тонкой ключицы. По телу Сенамотис тут же пронеслась дрожь, нежное плечо завибрировало под рукой Ригана, и он, и без того впавший при виде обнажённой фигуры Сенамотис в необъяснимый транс, понял, что эта дрожь передаётся и ему.

– Не бойся, – прошептал Риган. Он сам не знал, зачем говорит шёпотом и почему несёт такую чушь, но девушка вызывала у него сейчас почти благоговейный трепет, какого Риган не испытывал даже когда перед ним был Священный Дуб.

– Я не боюсь.

Сенамотис почему-то тоже говорила полужёпотом и – вопреки словам – когда кончики пальцев Ригана двинулись вниз, тело её сотрясла новая дрожь.

Риган провёл пальцами от ключицы вниз, к бледно-розовому соску. Прочертил круг, а затем, так и не коснувшись его, замер и поднял взгляд.

Сенамотис стояла, закусив губу, и от осознания того, что эти прикосновения неприятны ей, в сердце Ригана вспыхнула новая злость. Ему захотелось схватить девушку и швырнуть на ложе, стоящее в углу. Не церемонясь сделать своей, как присваивал Риган всё, что хотел иметь.

– Продолжай... – сказала Кейли тихо, и теперь уже по телу самого Ригана пронеслась дрожь. Он обнаружил, что уже несколько секунд как не дышит, удерживая воздух в лёгких, и, резко выдохнув, рванулся вперёд, чтобы губами коснуться тонкого плеча, попробовать его на вкус.

Кейли тоже выдохнула и, подавшись навстречу, обвила руками его шею, а когда Риган прочертил губами дорожку вдоль плеча и легко прикусил кожу там, где пульсировала кровь, испустил негромкий протяжный стон.

Риган не знал, что с ним происходит. Все мысли улетучились из головы, и только губы продолжали целовать гладкую кожу. Он постепенно опускался вниз, целуя её живот, от чего

пленница испустила ещё один протяжный стон. Только этот звук пробудил Ригана от транса, так что он обнаружил себя стоящим на коленях на полу. Пальцы Кейли – или Сенамотис, Ригану было абсолютно всё равно – шевелили волосы у него на макушке, пробуждая стайки мурашек где-то под кожей. Ригану нестерпимо захотелось прикинуться к груди девчонки щекой и уснуть, но он решительно прогнал этот несвоевременный порыв и прошептал только:

– Что ты делаешь со мной?

В глазах девушки, впрочем, стояло такое же недоумение. Не убирая рук и продолжая играть с волосами Ригана, она растерянно произнесла:

– Ты собирался меня омыть.

– Да.

Риган сглотнул, заставил себя высвободиться из маленьких, но неожиданно цепких рук, поднялся в полный рост и взялся за ёмкость с водой. В бронзовой чаше плавали травы, которые Риган собрал в саду. Рассказывать о том, какие именно травы ему нужны, Риган никому не хотел.

– Встань сюда, – Риган указал на место, куда падал свет луны, и обнаружил, что его собственный голос звучит непривычно глухо, надтреснуто и сухо.

Сенамотис выполнила приказ.

Взявшись за кусочек полотна, лежавший в воде, Риган пропитал его настоем и поднёс к горлу Кейли, а затем медленно провёл вниз до самого живота.

Смочил ещё раз и повторил движение. А потом в третий раз.

Риган почти физически ощущал, как мешает ему этот кусок полотна. Как он неуместен, когда нужно касаться гладкой кожи дочери вождя. Какое-то время он пытался удерживать себя в руках, а затем ткань сменилась ладонью и, смачивая её в воде, Риган принялся растирать маленькую грудь и подрагивающий под его пальцами живот. Присев на корточки, Риган перешёл к бёдрам и какое-то время оглаживал их, имитируя омовение, пока ладонь его не легла на круглую упругую ягодицу, которую Риган тут же стиснул, вырвав из груди девушки рваный вздох.

– Меня никто не брал, – тихо сказала та, – я же предназначена богам. Если царь узнает, что ты открыл меня...

Девушка замолкла. Риган ничего не ответил, принимая необходимость самоограничения как факт.

Он продолжил гладить тело, такое доступное сейчас его рукам, пока взгляд его не упал на тяжёлые браслеты, лежавшие на запястьях девушки.

– Что это? – спросил Риган и очертил контуры одного из браслетов кончиками пальцев.

Сенамотис всхлипнула и зажмурилась. Среагировав на этот звук, Риган поднял глаза и попытался понять, что написано на её лице, но так и не смог.

– Я задал вопрос, – нажатие стало чуточку сильнее.

– Пусти... – прошептала Сенамотис и дёрнулась.

– Я. Задал. Вопрос.

– Это браслеты богини, – выдохнула Сенамотис зло. – Ключ у южанина, который меня привёз!

Сенамотис смотрела возмущённо, но Риган решил не обращать внимания на этот взгляд. Он снова опустил глаза и коснулся поцелуями сначала одно запястье, затем другого. Подобных глупостей Риган не хотел и тем более не делал никогда.

– Я хочу забрать тебя себе, – очень тихо, опасаясь лишних ушей, произнёс Риган и снова поднял взгляд.

– Не получится, – взгляд Сенамотис снова стал пронзительным и тоскливым, – и я не уйду без ключа.

Риган усмехнулся. Поднялся в полный рост и, чуть наклонившись, коснулся поцелуем коралловых губ Сенамотис.

– Теперь тебя будут звать Кейли, привыкай. Раньше, чем наступит весна, я уйду отсюда и заберу тебя с собой.

– Как ты это сделаешь? – Сенамотис насмешливо надломила бровь. – Тебя охраняют не хуже, чем меня.

На губах Ригана промелькнула холодная улыбка, но он не ответил ничего.

Глава 5

Большую часть дня Риган проводил стоя у окна, и постороннему наблюдателю могло бы показаться, что он не делает ничего. Это, тем не менее, было не совсем так.

Риган наблюдал. Наблюдал – и размышлял.

Он уже понял, о ком говорил Кайден, когда упоминал северные племена – у этих были светлые волосы, и доспехи их украшали шкуры зверей с пышным ворсом. В городе таких было не слишком много, и Риган не думал, что Латиск – как называл своё царство Кайден – может их заинтересовать.

О том, кто мог прийти с запада, догадаться тоже оказалось легко. Изредка те самые горцы, к которым Риган раньше ходил торговать, доплывали и до этой земли. Риган увидел кое-где полотна, вытканые их рукой: эти ткани было легко отличить от других, потому что рисунок на них не был вышит, а вплетался в само полотно. Их Риган тоже не считал нужным принимать в расчет. Плыть горцам, судя по всему, было достаточно далеко, а Латиск давал им возможность торговать не только с самими людьми, населявшими его, но и с далёкими восточными странами: как теперь понимал Риган, именно оттуда привозили его любимое тончайшее шёлковое полотно.

Оставались южные и восточные народы, но с этими было сложнее всего. Ригану с трудом удавалось их различить: и те, и другие казались ему грубыми и угловатыми, мужчины их обладали развитой мускулатурой, хоть и не такой выпуклой, как у северных дикарей, зато рельефной и будто бы вылепленной из глины любящей рукой. И те, и другие носили туники, которые не украшали ни орнаментом, ни шитьём. И те, и другие считали себя заместителями богов.

При дворе их было довольно много, особенно последних из них. Понемногу Риган начал различать их по именам и по пристрастиям в вине: одни разбавляли благородный напиток водой, другие пили неразбавленным.

Риган – после долгих размышлений – стал склоняться к мысли, что если в этом году в самом деле начнётся война – а как он понял из обмолвок воинов, охранявших его покой, война здесь случалась каждый год – то она придёт с моря, потому как с суши город был хорошо защищён.

Он уже видел в гавани три вида кораблей, но наиболее опасными ему казались те, на которых стояло два паруса и, порасспрашивав горожан во время своих недолгих прогулок, он пришёл к выводу, что корабли эти принадлежат пришельцам с юга. Борта их украшали изображения львов и химер.

Предсказание, таким образом, по всему выходило достаточно точным, но рисковать Риган всё-таки не хотел и, поняв, что никто не собирается отпускать его просто так, стал понемногу искать возможностей выбраться из дворца и забрать Сенамотис с собой. Та ожидаемо отказывалась уходить без ключа, но уже через пару недель пребывания Ригана во дворце он нашёл ещё одну причину оставаться здесь.

Сенамотис приходила к Ригану каждый вечер – и с каждым днём оставалась всё дольше. Омывать её целиком довольно скоро Риган прекратил, решив, что это испытание для него слишком трудно, так что большую часть времени они теперь проводили за разговорами. Впервые в жизни Риган встретил девушку, которая могла бы рассказать ему что-то, чего не знал он сам, и тем удивительней было понимать, что девушкой этой оказалась дикарка, едва вступившая в пору зрелости.

– Я была младшей дочерью вождя, – пояснила Сенамотис, когда об этом зашёл разговор. Она ходила по комнате с таким же тщательным вниманием, как и Риган, изучая детали обстановки, как будто видела всё это в первый раз. – Мой старший брат должен был стать новым вождём. А меня готовили для того, чтобы я стала устами богини.

– Взошла на костёр? – Риган в свою очередь наблюдал за девушкой. Каждое движение Сенамотис магическим образом действовало на него, умиротворяя и едва ли не погружая в сон. За те две недели, что Сенамотис навещала его, Ригана ни разу не посетила леденящая злость, к которой он давным-давно привык.

– Не совсем так, – Сенамотис повела тонким плечом, – я изучала память племени, имена и лица, тайные знаки. И если бы время нашего народа было благим, я бы стала... – Сенамотис задумалась, подбирая слово, – авгуром? Жрецом?

– Друидом, – на губах Ригана заиграла улыбка, а внутри затеплился понимающий огонёк, и он замолк, вслушиваясь в охватившие его непривычные ощущения,

– Друидом?

– Тот, кто говорит с деревьями. Приносит жертвы священному Дубу. Читает знаки звёзд и людей.

– Мы не говорим с деревьями. Но звёзды и молнии меня учили читать. Орнаменты и руны тоже, само собой. А что касается жертв... – по лицу Сенамотис пробежала тень, – единственной жертвой стала бы я сама. В случае, если на то была бы воля богини...

– Воля богини?

– Если бы она наказала нас голодом, болезнями или войной.

– И война пришла.

– Да. Но я не взошла на костёр, – Кейли на секунду отвела глаза, а потом посмотрела на Ригана в упор, – я не хотела умирать. И богиня наказала мой народ. Скифы убили моего брата и моего отца, осталась только я, – Сенамотис закусила губу.

Риган усмехнулся.

– Ты в это веришь? – спросил он.

– Во что?

– В то, что это ты не спасла свой народ?

Сенамотис пожала плечами и отвернулась.

– Давай поговорим о чём-нибудь другом, – попросила она.

– Я слышала, ты предсказал царю, что его братья пойдут друг на друга войной.

– Да.

– Ты знал, что они подерутся из-за меня?

На губах Ригана заиграла улыбка.

– Не совсем так. Я просто знал, что они подерутся. Потому что так бывает всегда. Когда заканчивается война, люди начинают искать врагов среди своих.

Сенамотис резко обернулась, так что распущенные волосы хлестнули её по лицу.

– Интересно, – сказала она и склонила голову вбок, – значит, ты читаешь не знаки? Ты читаешь судьбы людей?

– Я читаю всё, что меня окружает. Всё, что может дать мне ответы, которых не знает никто другой.

– Тогда почему эту чашу ты не смог прочесть? – Сенамотис указала на кубок, всё ещё стоящий на столе у окна.

Риган помрачнел.

– Я прочитал, но не до конца.

– Про котёл ты уже знал?

– Да. Я знаю три части легенды, хотя у нас её рассказывают по-другому, не так, как рассказывала ты. Но... Про камень у нас не говорят.

– Это камень судьбы, – Сенамотис подошла к Ригану и встала рядом с ним, – когда Ювен ступил на него, камень закричал. И так Ювен стал королём.

Риган молчал, пытаясь сложить то, что услышал только что, с тем, что знал до сих пор.

– Если не веришь мне – спроси у царя, – Сенамотис фыркнула и отвернулась, – у него в опочивальне стоит глиняная табличка, на которой записана судьба всех четырёх святынь. Брат деда деда Кайдена все четыре предмета увёз с собой, уплывая на запад, когда король его изгнал.

Риган мгновенно перевёл взгляд с чаши на Кейли.

– И там всё записано?

– Да.

Риган снова отвернулся и несколько секунд смотрел в окно.

– Иди к себе, – приказал он.

– Что?.. – Сенамотис обиженно смотрела на него, но друида ничто не могло разжалобить. – Я хотела побыть с тобой...

– Я сказал уходи, Кейли.

– Я не Кейли, меня...

Риган быстро обернулся и накрыл поцелуем её рот, заставляя замолкнуть. Губы у Сенамотис были мягкие и горячие. Риган никогда до сих пор не встречал таких, кого бы ни целовал. Когда же он отстранился, Сенамотис тяжело дышала и расширившимися зрачками смотрела на него.

– Иди, – повторил Риган и подтолкнул Сенамотис в плечо, направляя к двери. Та, ещё не успев понять, что только что произошло, зашагала прочь.

На следующий день Риган с самого утра потребовал отвести его в опочивальню к царю.

– Я должен видеть его, пока он не встал с ложа, – особенно подчеркнул он. – Состояние раны подскажет мне ответ на его вопрос.

После короткого совещания стражники согласились выполнить приказ, и через некоторое время Риган уже стоял напротив ложа, укрытого пологом, и смотрел на царя, возлежавшего на нём. Две наложницы лежали по обе стороны от него, но счастливым Кайденом не выглядел.

– Я думал, что помогли твои травы, – капризно заявил он, – но кажется, мне помогли не они, а этот скифский дар. Я уже не уверен, что ты так уж нужен мне, авгур из чужих земель.

Риган улыбнулся.

– Есть ещё одно лекарство, – сказал он, внимательно обшаривая взглядом спальню в поисках таблички. – Но лучше, если наложницы выйдут, прежде чем я о нём скажу.

– Говори при них!

– Хорошо, – Риган, нашаривший взглядом табличку, улыбнулся ещё шире и чуть приспустил веки, чтобы наградить Кайдена насмешливым взглядом, – завтра пригласи в свою спальню не только наложниц, но и наложников.

– Что? – глаза царя расширились, и по скулам забегали желваки.

– В мужском организме содержится целительная жидкость, которая тебе поможет.

Кайденом смотрел на друида с сомнением.

– А рана? – уточнил он.

– Вряд ли на твой недуг могла повлиять рана на плече.

Кайденом приподнялся на локте и посмотрел на Ригана уже со злостью:

– Тогда зачем ты сказал мне мазать её?!

– Я сказал, это принесёт благоденствие твоей стране, великий царь! Твоя рука поднимет меч и направит его в бой!

– А... – Кайденом медленно опустился обратно на подушки, – хорошо. Тогда завтра я прикажу привести эту... – он поморщился, – как ты её назвал? Сенамотис?

Во взгляде Ригана полыхнула злость.

– Сенамотис всё ещё одержима, – мрачно сказал он. – К тому же я пришёл говорить о другом, – и прежде чем царь успел возразить, воздел перед собой руку, – я знаю, кто пойдёт на тебя войной!

Кайден снова сел.

– Говори, – приказал он уже совсем другим голосом.

– Я смотрел на звёзды и увидел, как они складываются в новый знак, невиданный до сих пор.

– И каков же он?

– Я не был уверен – и потому не хотел тебе говорить. Но когда вчера прогремел гром, и молнии показали мне то же лицо, я обрёл уверенность, которой до сих пор не имел.

– Так кто?!

Риган поманил короля пальцем, и когда тот чуть-чуть наклонился, сам наклонился ему навстречу и прошептал:

– Львы и Химеры.

– Что?! – Кайден отшатнулся от него.

– Больше мне неведомо, – Риган развёл руками. – Только этот знак повсюду меня преследует. Но я думаю... – продолжил он, отворачиваясь к окну, – что львы не обитают ни в северных, ни в западных краях. Более того, я уверен, что если даже гром подал мне знак, значит, они уже здесь и уже готовятся напасть, – Риган снова посмотрел на царя, – прикажи обыскать город, мой царь. Прикажи принести во дворец всё, что связано со львом. И ты узнаешь, кто твой враг.

– Хорошо, – неуверенность исчезла из взгляда царя. – Если ты прав, то будешь награждён.

Не прошло и двух недель, как во дворец стали свозить статуи львов и зеркальца с изображением химер на обратной стороне. Все предметы, которые привозили царю, принадлежали купцам из юго-восточных земель. К концу месяца Кайден приказал изгнать их из города – всех до одного.

«Дело идёт к войне, – шептались тут и там, – этруски нам отомстят».

Ригану было всё равно. Он не собирался дожидаться весны – только возможности проникнуть в опочивальню и забрать табличку.

Зима уже приближалась к середине, а он всё ещё не знал, как к ней подобраться. Сенамотис по-прежнему приходила к нему каждый вечер, но чем холоднее становилось за окнами, тем она становилась грустней.

– Я навсегда буду заперта в этом дворце, – пожаловалась Сенамотис как-то раз.

Риган поморщился. Этот разговор повторялся время от времени и абсолютно не нравился друиду – он его попросту раздражал.

Риган подошёл к девушке и провёл пальцами по её тонким плечам, укрытым покрывалом.

– Таргитая держат под стражей, – продолжила Сенамотис, – странно, что его до сих пор не убили.

– Царь боится ещё одной войны, – ответил Риган спокойно. То, что скифа поместили под стражу сразу после покушения, он давно уже знал. Именно это осложняло ситуацию больше всего, потому что пробираться в темницу ради ключа он не рисковал.

– Я хочу быть с тобой.

Риган вздрогнул и стиснул пальцы на плечах девушки, услышав эти слова.

– Я люблю тебя.

По телу Ригана пробежала горячая волна. Уже не понимая, что делает, он подхватил Сенамотис под мышки и швырнул на кровать, а сам упал сверху, накрывая её собой, принялся судорожно целовать шею, пока руки его пытались избавиться от покрывала.

– Что ты делаешь? – Сенамотис негромко рассмеялась в самое ухо друида, пуская по шее стайки мурашек. Вопреки словам руки её крепко сжимали тело жреца – и даже ноги уже оплели его.

Риган размотал наконец покрывало и теперь шарил ладонями по хрупкому телу, уже знакомому, но всё такому же непостижимому.

– Риган, если царь узнает, что ты вскрыл меня...

– Я – твой единственный царь, – Риган впился в её губы, и Сенамотис только крепче стиснула его спину. Поцелуй становился всё глубже, и руки Сенамотис сползли ниже, поглаживая ягодицы Ригана сквозь тунику. Пальцы Ригана сжали маленький чувствительный сосок, и Сенамотис застонала ему в рот. Потом ладонь друида скользнула на плоский живот, тут же задрожавший под его прикосновением. Когда Риган отстранился от неё, Сенамотис тяжело дышала и внимательно смотрела на него. Рука Ригана скользнула ниже, самовольно пробираясь пленнице между ног.

А затем в одно мгновение его охватило разочарование, которое он сам не мог объяснить. Сенамотис лежала под ним, раскрытая и готовая его принять.

Но Риган не хотел брать её как вор. Он хотел, чтобы та, что покорила его сердце, принадлежала ему целиком.

Он в последний раз накрыл губы Сенамотис поцелуем и, отстранившись, упал на подушки.

– Тебе нужно идти, – сказал он, и на сей раз в голосе друида звучал не приказ, а разочарование.

Кейли ничего не ответила. Помешкала немного, затем склонилась над Риганом, легко коснулась его губ своими и, подхватив покрывало, закуталась в него. А затем, шурша невесомой тканью, двинулась к двери.

Глава 6

Видеть Сенамотис и не касаться её было невыносимо, и потому всё чаще Риган обнаруживал себя лежащим на ложе поверх хрупкого тела наложницы, сжимающим его, целующим плечи и грудь.

Сенамотис легко откликалась на ласки, тяжело дышала и, казалось, всем телом просила ещё, но в последний момент замирала в страхе, и это действовало на Ригана как ледяная вода.

Никогда раньше Риган не задумывался о том, хотят его или нет. Он просто брал то, что было ему нужно – но теперь отчего-то не мог.

Положение во дворце тем временем не сулило никаких перемен: царь больше не звал Ригана к себе, то ли ожидая свершения пророчества, то ли попросту забыв о нём.

И вот, когда на небе вошло созвездие Рыб, Риган решился. Он не хотел остаться запертым здесь, во дворце, когда начнётся война. К тому же время в Туатах вряд ли оставалось таким же неподвижным, как здесь. Риган не сомневался, что Дану не упустит возможности перевернуть всё вверх дном. Он уже пропустил Имболк и Самайн, но хотел успеть домой хотя бы к ночи Бельтайн.

Сыграло свою роль и то, что Сенамотис продолжала на него давить.

– Ты никогда не заберёшь меня отсюда!

Услышав это в очередной раз, Риган чуть было не взорвался, но, обернувшись и поймав на себе пристальный взгляд огромных зелёных глаз, только вздохнул.

– Вот что я думаю, – сказал друид, опускаясь на ложе. Ложиться он не спешил, напротив, оставив ноги на полу, склонился, опершись на них локтями, и сцепил пальцы перед собой, внимательно изучая их. – Вряд ли меня ещё раз позовут к царю.

Сенамотис осталась стоять у окна, но продолжала внимательно смотреть на Ригана.

– Но без таблички я не уйду, – твёрдо продолжил друид. – Ты должна проникнуть к царю и забрать её.

Зрачки Сенамотис, как показалось Ригану, стали ещё огромней.

– Что?

– Ты меня поняла. Тебя он впустит легко.

Сенамотис продолжала непонимающе смотреть на него.

– Ты хочешь, чтобы я с ним... провела с ним ночь?

Риган поморщился.

– Ничего особенного не произойдет.

Сенамотис обхватила себя руками и отвернулась. Сделала по комнате вдоль окна несколько шагов, замерла так на какое-то время, а затем посмотрела на Ригана уже совсем другим взглядом.

– А ключ? – в голосе Сенамотис впервые с их первой встречи сквозил холодок.

– Я сделаю всё, что смогу.

– Того, что ты можешь, мало, как я погляжу! – Сенамотис, вскинув подбородок, шагнула к нему.

Риган снова глубоко вздохнул.

– Это темница, Сенамотис. Я не вор и не умею взламывать замки. К тому же твой скиф вряд ли доверится мне.

Лицо Сенамотис исказила тень презрения, будто только что ей вместо изумруда подсунули осколок руды.

– Ты получишь табличку, если я получу ключ, – твёрдо сказала она.

Риган молча кивнул.

Сенамотис отвернулась, размышляя.

– Благодаря тебе он всё ещё не заметил меня, – задумчиво произнесла она и поджала губы на секунду. Даже если это было ценой свободы – она не хотела проводить ночь с царём. Затем Сенамотис коротко вздохнула и, повернувшись лицом к Ригану, в несколько шагов преодолела разделявшее их расстояние. Поймала сцепленные в замок руки Ригана, поднесла к губам и поцеловала.

Риган всё это время пристально и даже недоумевающе смотрел на неё.

Затем Кейли перекинула одну ногу через бёдра Ригана, усаживаясь на него верхом, и потёрлась о него. Недоумение в глазах Ригана росло.

– Что ты делаешь? – осторожно спросил тот.

Сенамотис поймала его лицо в ладони и поцеловала, заставляя замолкнуть.

– Если это случится, то пусть лучше с тобой, – негромко сказала она.

Лёгким движением Сенамотис скинула покрывало и теперь полностью обнажённая сидела к Ригану лицом. По белоснежной коже метались блики ночных огней.

Рука Ригана легла Сенамотис на бедро и замерла. Взгляд огладил её грудь и опустился к животу. Риган сглотнул.

– Пусть будет так, – тихо сказала Сенамотис, – я никогда не чувствовала ничего похожего на то, что испытываю с тобой.

Испустив ещё один рваный вздох, Риган стиснул бока девушки и, наклонившись, поцеловал изгиб её плеча. Сенамотис шумно выдохнула и выгнула шею, подставляя ее под новые поцелуи. Ей в самом деле было так хорошо, как никогда. Руки Ригана продолжали гладить её тело, иногда сжимая до боли. По позвоночнику носились стайки мурашек.

Риган изогнулся, вдыхая запах тела, пахнувшего южными цветами. Взгляд его встретился со взглядом Сенамотис.

– Нам понадобится отвар... Ты понимаешь, зачем?

– Мне каждый вечер дают травяной настой, – насмешливо произнесла девушка. – Для царя. Кайдан не хочет от меня детей.

На последнем слове на Ригана нахлынула такая злость, с какой он справиться уже не мог.

Риган уронил Сенамотис спиной на постель и, лишь задрвав край собственной туники, вошёл в неё до конца.

Сенамотис коротко вскрикнула, но Риган тут же зажал ей рот рукой. В глазах девушки появился испуг. Внутри неё было туго и тепло, и Риган уже не мог сдерживать себя. Кейли тихонечко всхлипывала, но продолжала стискивать пальцы у Ригана на спине, пока наконец что-то не изменилось внутри неё, будто сломался какой-то барьер, боль из нестерпимой стала тягучей и возбуждающей. Острее, чем во все ночи до этой, Кейли ощутила свою беспомощность под тяжёлым и сильным мужским телом. Зато по телу бежали волны жара, источник которых находился где-то глубоко внутри, и она уже сама прогибалась, стараясь заставить Ригана коснуться этого места, надавить сильнее.

Риган довольно быстро понял, чего от него хотят, но вместо того, чтобы пойти у Сенамотис на поводу, сделал ещё несколько мучительно-сладких, но недостаточно глубоких толчков, а затем, подхватив Сенамотис за бока, перевернулся на спину и усадил её на себя верхом.

Сенамотис прочертила бёдрами круг, пробуя новые возможности, и рвано вздохнула, когда новая волна удовольствия пронеслась внутри. Риган внимательно смотрел на неё, и сама Сенамотис не могла отвести взгляда от его голубых, будто озеро подо льдом, глаз. Она начала двигаться – сначала медленно, и Риган ей не мешал. Потом всё быстрее. Теперь уже бёдра Ригана подпрыгивали ей навстречу, и каждый удар едва не заставлял её терять сознание от наслаждения.

Сенамотис поймала руку Ригана и инстинктивно опустила себе на промежность. Тут же оба разочарованно выдохнули, и всё же Риган, сделав ещё несколько толчков, вышел из неё и выплеснулся на обнажённый живот.

Обида и разочарование затопили Сенамотис.

Она сползла вбок и, свернувшись калачиком, замерла, обнимая себя и глядя в темноту.

Через несколько секунд со спины её накрыло большое, горячее, как раскалённый металл, тело, и Риган поцеловал девушку в висок.

– Я достану его, – пообещал Риган. – Но я хочу, чтобы ты ушла со мной, Кейли.

Кейли молча кивнула. Поймала руку Ригана и, опустив себе на живот, крепко прижала.

Когда Сенамотис уходила, Риган уже спал.

Для того чтобы осуществить план, нужно было наметить все действия на одну ночь – иначе царь мог бы заметить пропажу таблички или вторжение в темницу раньше времени, и Сенамотис с Риганом договорились, что всё будет сделано в последнюю ночь, когда созвездие Рыб покидает дом.

Всё оставшееся время Сенамотис ходила сама не своя, но детали плана понемногу вызревали в её голове.

Она сказала стражникам, которые ни днём, ни ночью не оставляли её, что полюбила собирать цветы, и на протяжении нескольких дней бродила по саду, обрывая листья с деревьев и выискивая среди них нужные – валериану, душицу и корень мака. Растения в саду сильно отличались от тех, к которым она привыкла, но кое-что всё-таки удалось найти.

Затем Сенамотис сообщила охранникам, что ей надоело собирать цветы. Выбросила в канаву весь получившийся букет – за исключением нескольких листьев, которые припрятала под одеждой, и возвестила о своём новом увлечении: теперь, подобно одалискам восточных империй, она собиралась заваривать чай для царя.

– Этот чай вознесёт его любовные таланты до небесных высот, так ему и передайте! И скажите, что моё проклятие давно прошло, я люблю его и хочу принадлежать только ему!

Охранники посмотрели друг на друга. Один из них хмыкнул, а другой пожал плечами.

– Только царь должен знать, – задумчиво добавила Сенамотис, – что это зелье следует пить, когда созвездие покидает небосвод. Оно ядовито в другие дни.

Приглашение в опочивальню царя пришло в точно назначенный срок, и, совершив процедуру омовения, уже привычную для Сенамотис, в ночь сошествия с неба созвездия Рыб её, держащую в руках серебряный поднос с фарфоровым чайником, привезённым из далёких восточных стран, повели в покои царя.

– Я слышал, ты приготовила для меня подарок, – Кайден, возлежавший на своем ложе и укрытый одной лишь медвежьей шкурой, поманил Сенамотис к себе. Та послушно подошла. – Слышал также, что твоя одержимость прошла, и ты оценила, насколько тебе повезло.

– Да, мой господин, – Сенамотис потупила глаза.

– А может, ты попросту хочешь отравить меня, а?! – рявкнул Кайден, резко поднявшись с постели. Пальцы его поймали подбородок Сенамотис и сдавили, причиняя боль.

Сенамотис скрипнула зубами. Одно только прикосновение незнакомого мужчины, даже не будь оно таким болезненным, раздражало её.

– Как мне доказать вам свою любовь? – спросила она. Глаза её на секунду сверкнули из-под ресниц – и снова взгляд опустился вниз.

– Попробуй сама то, что ты сварила.

– Меня обижают ваше недоверие, мой господин, – Сенамотис вывернулась из грубых рук и, поставив поднос на сундук рядом с ложем, взяла в руки чайник. Разлила дымящийся пахучий отвар по чашам и, взяв одну из них в руки, залпом осушила до дна. – Так хорошо, или хотите выждать пару дней, пока напиток подействует? Учтите, за это время чай потеряет силу!

Кайден хмыкнул, но, поскольку наложница явно не собиралась замертво падать на пол, принял чашу из её рук и сделал глоток.

– Вкусно, – похвалил он и, удерживая чашу одной рукой, другой попытался погладить девушку по бедру.

Сенамотис увернулась от его рук.

– Давайте налью ещё, – предложила она и, забрав опустевшую чашу из рук царя, наполнила ещё раз.

Так трижды наполнялась чаша и трижды пустела опять.

Кайдэн всё более отмечал, что чувствует себя на удивление хорошо, и только то, что объект вожделения постоянно ускользает из рук, немного его раздражало.

– Я всё сделаю сама, – услышал Кайдэн шёпот у самого своего уха. Чресла его обожгло желанием, а наложниц почему-то стало две. Тонкие руки толкнули его на подушки, и царь провалился в сон.

Первым делом Сенамотис схватила табличку и спрятала её за пазуху.

Потом устроилась на ложе рядом с царём и зевнула. Её тоже немного клонило в сон, но её организм к зельям подобного рода давно привык – все отвары она пробовала на себе, да и для магических танцев применяла кое-что. Сенамотис задумчиво покосилась на дверь и громко застонала.

– Да, мой господин! – почти что провыла она. – А-ах! Ещё!

Из-за двери послышался сдавленный смешок, и Сенамотис, обрадованная тем, что пользуется успехом не только у царя, ещё несколько раз повторила стон. Закончив концерт тихим охом, она выждала немного и, плотнее закутавшись в покрывало, нырнула за дверь.

Стражник тут же посмотрел на неё:

– Уже всё? – грубо спросил он, и в глазах его показался насмешливый огонёк.

Сенамотис приложила палец к губам, а затем прижала щёку к руке и, склонив голову, прикрыла глаза, демонстрируя, чем занимается царь.

– А... – шёпотом произнес страж.

Не дожидаясь решения охраны и без всякого стеснения тихонечко напевая про себя, Сенамотис двинулась по коридору вперёд. Она предвкушала, как окажется на свободе с ключом в руках.

Несколькими часами позже, когда охранники уже проводили её в покои наложниц, Сенамотис взяла в руки покрывало, которым покрывала голову по приказу царя, и, сделав из него пояс, обвязала второе покрывало, которое служило ей туникой – так, чтобы было удобнее ходить.

Снова спрятав табличку за пазуху, она открыла ставни и выбралась наружу. Охранники мирно дремали у двери и даже не шелохнулись, такими тихими были её шаги.

Почти бегом Сенамотис бросилась к условленному месту встречи – колоннаде у северного выхода из дворца, где приносились жертвы небесным богам. Она ожидала, что Риган уже там, но среди колонн царила тишина.

Нервно меряя шагами пространство между колоннами, Сенамотис наблюдала, как луна перемещается из одной прорехи между колоннами в другую, пока наконец вдаль не послышался шум, и тёмная фигура не мелькнула среди деревьев.

Сенамотис нахмурилась – непохоже было на Ригана поднимать шум. На всякий случай она отступила глубже в тень, чтобы не попасться посторонним на глаза. Однако силуэт, закутанный в ткани, в самом деле оказалась Риганом: только лицо его было бледным, брови казались сведёнными к переносице, а губы плотно сжались в одну черту.

Взгляды беглецов встретились, и Сенамотис уже собиралась было шагнуть вперёд, на свет, когда вдаль услышала крики:

– Стража! Схватить его!

Сенамотис стремительно отступила назад в темноту, а в следующую секунду несколько воинов, обёрнутых в шкуры, показались из двух противоположных аллей и набросились на Ригана с двух сторон.

Одного из них друид успел полоснуть по горлу серпом, но другой ударил его в основание затылка, так что Сенамотис пришлось зажать себе рот рукой, чтобы не закричать – тело Ригана медленно оседало на землю, рука его в последнее мгновение протянулась вперёд. В общей суматохе никто не заметил звона, когда маленький кусочек металла прокатился по мрамору и улетел в тень.

Третий воин, только что подоспевший к месту сражения, пнул беспомощное тело Ригана ногой, желая хотя бы так отомстить за убитого напарника. Другой остановил его.

– К царю! – сказал он. – Пусть решит, что делать с предателем.

– Да что делать с таким... в котёл!

– Он сильный. На соляных шахтах может быть толк.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился другой. И, подцепив Ригана подмышки, двое воинов потащили его прочь.

Выждав, когда все звуки стихнут, Сенамотис выбралась из своего укрытия и подхватила с пола маленькую медную пластину с несколькими прорезями, украшенную изумрудом с одной из сторон. Она закрыла глаза и вздохнула. Оставалось только перебраться через забор, окружавший чертог, но это уже было легко.

Глава 7

Риган долго не мог выбраться из серого с красными всполохами марева, окружившего его.

Казалось, эта хмарь наполнила его мир до краёв, и сколько бы он ни старался, едва пытался вынырнуть – как снова тонул.

Наконец ему удалось ненадолго открыть глаза, и вместо рваных клочьев облаков он увидел над головой скалистый свод.

Риган тут же закрыл глаза снова, потому что затылок наполнил нестерпимый звон. Собравшись с силами, он попытался разобраться, где находится и почему, но ничего не получилось, потому что затылок продолжал нестерпимо ныть.

Риган хотел было поднять руку и потереть больное место, но тут же понял, что сделать этого не может, потому как левое запястье его плотно приковано к чему-то неподвижному.

Забыв об осторожности, Риган резко распахнул глаза и сел.

Теперь он видел, что прямо перед ним стоят, нагло ухмыляясь, двое воинов местного царя. Оба держали в руках тяжёлые копья, а на поясе имели длинные мечи. За спиной у них убегал вдаль длинный и тёмный каменный туннель.

Риган закрыл глаза и зажмурился, на секунду испытав желание проснуться ещё раз, но теперь уже по-настоящему. И, тем не менее, когда он снова поднял веки, ничего не изменилось. Воины по-прежнему стояли перед ним.

– Очнулся, – сказал один, и ухмылка его стала шире.

– Точно, – ухмыльнулся в ответ другой.

Риган с трудом подавил протяжный стон. Воспоминания возвращались к нему кусками, и теперь он помнил скифа, запертого в темнице, слишком долгий разговор о браслетах, которые тот упорно называл «оковами божества», проклятья, которыми скиф грозил, если откроются ворота, наконец-то полученный ключ и охрану, которая не стала ждать, пока Риган закончит свои дела.

– Чтобы вы провалились в Сид... – пробормотал он скорее той страже, которая схватила его, чем тем, кто стоял перед ним теперь, но воины поняли сказанное по-своему. Один из них побледнел от злости, а другой расхохотался.

– Ты не первый, кто говорит так. Но проверено ещё моим отцом: магия авгуров не работает в этих пещерах. Ни одно проклятье не доходит отсюда до ушей богов.

«Это конец», – промелькнуло у Ригана в голове, и на него вдруг накатила тоска. Его жизнь была довольно долгой, по-своему интересной, и никогда он не думал, что закончит её так.

– Где я и кто позволил вам так обращаться со мной? – спросил он вслух. Голос звучал так слабо, что Ригану самому стало противно.

– Ты будешь трудиться на благо богов, как делал это всегда, – ответил тот же охранник, который уже начал разговор, – эти пещеры принадлежат царю. И такие, как ты, добывают здесь соль.

Второй воин отвернулся и, достав из тележки с солью кирку, швырнул её Ригану, так что тот едва успел убрать ногу, но всё же оказался недостаточно быстр – кирка полоснула его по икре, оставив тёмно-красный след. Риган взвыл от неожиданности – он уже и не помнил, когда ему в последний раз причиняли такую или какую-либо другую боль. К тому же теперь только Риган понял, что обнажён – ни туники, ни драгоценного пояса на нём не было. От мысли о том, в каком виде он предстал перед этими дикарями, его охватил стыд, он снова дёрнул рукой.

– За день ты должен наполнить тачку, – продолжал воин тем временем, – иначе не получишь еды. Это всё.

Риган осторожно взвесил кирку в руке. Поднять её он мог, но плохо представлял, как будет работать подобным неповоротливым орудием целый день. К тому же, согласиться сейчас означало остаться здесь навсегда.

– Может, проклятья вашего авгура и не достигают ушей богов, – заявил он и попытался подняться на ноги. Цепь не позволила и он замер – скособочившись, стоя на одном колене, всё ещё прикованный запястьем к стене. – Но моя сила принадлежит земле. Оставьте меня здесь, и земля никогда не родит для вас ни ягод, ни айвы!

Охранник снова хохотнул. Он уже собирался уходить и, лишь повернув голову через плечо, бросил Ригану:

– Все так говорят в первый день, – а затем зашагал прочь.

Риган остался один. Вернее, так он думал в первые несколько минут, но стоило стражам с факелами отойти достаточно далеко, как из темноты, окружившей друида, послышались шорохи и смешки.

На секунду кровь Ригана похолодела. Ему показалось, что сбывается всё то, чем он угрожал непокорным: духи Сида явились за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.